

ЭТНОСТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Э. В. Маремукова

Ключевые слова: лингвокультура, этностереотипизация, языковая объективация, этнокультурная информация, утверждение, отрицание

Keywords: linguaculture, ethnostereotyping, linguistic objectification, ethnocultural information, affirmation, negation

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-06)

Введение

В современном мире в процессе глобализации возрастает потребность во взаимодействии разных культур и языков, в связи с чем повышается интерес общества к вопросам межкультурной коммуникации. Данная проблема стала одной из центральных в исследованиях В. фон Гумбольдта [Humboldt, 1836], ключевые идеи которого о связи языка с национальным мышлением обогатили лингвистику XIX и XX вв. Лингвистический детерминизм связан с гипотезой Сепира — Уорфа, в соответствии с которой мысли и действия человека определяются его языком [Sapir, 1958; Whorf, 1956]. Распространение антропоцентристической парадигмы в языкознании укрепило осознание роли человеческого фактора в языке, а также взаимодействия и взаимовлияния языка и человека.

Трудности в межкультурной коммуникации вызывает лингвокультурная коммуникативная интерференция, возникающая в результате переноса национально-культурных стереотипов поведения, характерных для родной лингвокультуры, на процесс общения с представителями иных лингвокультур [Ларина, 2006, 2009]. Различная концептуализация действительности при освоении мира усложняет перевод высказываний с одного языка на другой и требует изменения синтаксической структуры предложения. Для успешной межкультурной коммуникации недостаточно владения языком партнера по общению, необходимо также иметь представления и о культуре, обычаях и традициях народа [Тер-Минасова, 2007]. Этнические стереотипы, формирующиеся по причине незнания национально-культурной специфики поведения и речи представителей иных культур, могут быть серьезным барьером в межкультурной коммуникации. Эффективное межкультурное общение предпо-

лагает интерпретацию культурных различий, в том числе объективированных в языке, на основе их признания и понимания.

В обеспечении эффективного межкультурного общения важную роль выполняют утверждение и отрицание. Исследование аффирмитивных и негативных конструкций в языках с различной структурой позволяет выявить лингвистическую объективацию этноспецифической информации, что содействует как постижению уникальной культурной информации, так и беспрепятственному межкультурному и межъязыковому взаимодействию.

Материал, цель и методы исследования

Целью исследования является проведение компаративного анализа лингвистической объективации этностереотипных представлений носителей разноструктурных языков, связанных с утверждением и отрицанием.

На материале неблизкородственных кабардино-черкесского, русского и английского языков проанализирована работа национального ментально-лингвального аппарата в процессе концептуализации окружающей действительности. Привлечение устных и письменных источников, включая разговорную речь, лексикографические издания и интернет-ресурсы, а также опора на научные труды отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике способствуют достоверности результатов исследования и обоснованности выводов.

Необходимость выявления особенностей языковой актуализации этностереотипной информации в аффирмитивных и негативных формулах в рамках взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры определили применение как общенаучных, так и собственно лингвистических методов, включающих в себя методы интерпретативного, этимологического, компонентного, контекстуального анализа, а также сопоставления и обобщения, что позволило выявить универсальные и лингвоспецифические особенности лексико-грамматической экспликации этнокультурной информации, сопряженной с утверждением и отрицанием.

Использование различных методологических приемов и способов помогает достижению поставленной цели в многоаспектном изучении специфики национального менталитета в процессе лингвистической проекции культурно-сигнификативной информации — универсальной и культурно маркированной, что содействует ее постижению и эффективной межкультурной коммуникации.

Результаты и обсуждение

Утверждение и отрицание — универсальные лингвистические понятия. В объективном мире нет ничего отрицательного. Во всех языках имеются свои правила изменения утвердительных суждений на отрицательные. В культурогенезе каждого языка категории утверждения и отрицания отражают специфику национального сознания.

Вопрос о соотношении понятий утверждения и отрицания в науке не нашел однозначного решения. Утверждение и отрицание полагаются равноправными формами отражения действительности, полярными языковыми категориями, компонентами тройственной структуры наряда с сомнением [Васильева, 1958; Есперсен, 1958].

Исследователями отмечается взаимосвязь категорий утверждения и отрицания. На относительный характер явлений указывал Аристотель, который ссылался на одновременное наличие противоположных качеств у одной и той же вещи [*Categories by Aristotle*]. Идея всеобщей причинной связи лежит в основе мировоззрения арабского философа Аль-Кинди, комментировавшего сочинения Аристотеля, который также утверждал, что любая мелочь при ее полном осмыслиении отражает целую Вселенную и позволяет ее познать [Философский словарь, 2001, с. 22, 44].

Категория отрицания интерпретируется исследователями по-разному: модификацией утверждения, отражением разъединенности бытия [Будах, 1957], частным случаем утверждения, предполагающим утверждение отрицания, проявлением предикативности, модальности [Макарова, 1978; Пешковский, 2001]. При этом отмечаются ее семантическая и синтаксическая функции [Файрузова, 2015].

С древности философами выдвигаются гипотезы о том, что интуитивно труднее знать отрицания (утверждения о том, чего нет), чем утверждения (утверждения о том, что есть) [Turri, 2022]. Исследователями отмечается сравнительно меньшая ценность отрицательных суждений для процесса познания человеком мира, поскольку в центре внимания познания находятся, прежде всего, значимые свойства окружающей действительности, а не их отсутствие; сложность логической структуры мыслительной операции при отрицании [Spychalska et al., 2019; Just, Carpenter, 1971; Khemlani, Orenes, Johnson-Laird, 2012], особенно при визуальном либо действительном отсутствии объекта когниции. Это также влияет на доминирование позиции вторичности отрицания по сравнению с утверждением. Относительная сложность в понимании и подтверждении отрицаний по сравнению с утверждениями и, соответственно, подозрительное к ним отношение [Turri, 2022] детерминировано необ-

ходимостью принимать усилия для «отмены» сформированного утвердительного суждения.

Отрицательные суждения могут выражать отношение различия, отсутствия, несовместимости, противоположности, лишения, недостатка. Специфика и степень проявления, функциональная значимость этих отношений в разных языках являются важным культурным аспектом.

Наиболее распространенными средствами грамматического выражения отрицания в языках разных типов являются отрицательные частицы. В отличие от русского и английского языков, в кабардино-черкесском языке основным средством выражения отрицания выступает аффиксальный способ (наиболее продуктивны префикс «мы-», суффиксы «-къым» и «-ниш»).

Грамматические и лексические средства выражения отрицания различаются в том, что грамматические отрицатели превращают предложение из утвердительного в отрицательное, в отличие от лексических отрицателей, а предложение с лексическими отрицателями является грамматически утвердительным. Грамматически отрицательное предложение отрицает истинность суждения (*Он не пришел — Ар къэкIуакъым — He did not come — Это неправда, что он пришел — Ар къыззэрыкIуар (къэкIуауз зыгуэрэм зэрыжисIэр — что кто-либо говорит (утверждает), что он пришел) пэжкъым (досл. Его/ее приход не является правдой) — It is not true that he came; Дождя нет (Дождь не идет) — Уэих щыIэкъым (къвешхыркъым) — There is no rain (It is not raining) — Это не правда, что дождя нет (что дождь не идет) — Уэих зэрыщымсIэр пэжкъым (къыззэремышхыр — къемышху зыгуэрэм зэрыжисIэр — то, что кто-либо говорит (утверждает), что дождя нет (что дождь не идет) — It is not true that it is raining).*

Сравнительный анализ разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков выявил различную проекцию отрицательных местоимений, связанную с категорией одушевленности и неодушевленности: в кабардино-черкесском языке наблюдается неразграничение отрицательных местоимений, соотносимых с одушевленными и неодушевленными предметами (зыри, зыгуэри, зыми — в эргативном падеже «зыри» может наделяться одушевленностью, подтверждая статус субъекта при переходных глаголах — Тхылъыр щылъиц (непереходный глагол — Книга лежит) — Зыри (именительный падеж) щылъкъым (непереходный глагол — Ничего не лежит); Щалэр тхылъым иоджэр (Парень читает книгу); Щалэр зыри (именительный падеж) еджэркъым (Парень ничего не читает) — Щалэм тхылъыр еджыр (Парень изучает книгу) — Зыми (эргативный падеж) тхылъыр иджыркъым (переход-

ный глагол — Никто не изучает книгу). При этом отрицательное местоимение «зыри» в форме эргативного падежа (зыми) может иметь коннотацию неодушевленности:

Унэхэм зыми ар ѹигъюэтакъым (в функции обстоятельства места):
Ни в одной из комнат (нигде) он/a его/ее/это не нашел/нашла — He/She didn't find her/him/it in any room; Тхылъхэм зыми апхуэдэу иткъым — Ни в одной книге так не написано — No book says that (It is not written like that in any book).

В английском языке при наличии местоимения, применимого одинаково к одушевленным и неодушевленным предметам (*none*), наблюдаются также специальные «*nobody*» (*no + body*), «*nothing*» (*no + thing*), этимология которых также сопряжена с категорией одушевленности и неодушевленности.

Русская лингвокультура в отличие от кабардино-черкесского и английского языков структурно различает отрицательные конструкции в винительном и родительном падежах в зависимости от категории одушевленности и неодушевленности:

Он увидел книги — Он не увидел книг — Он увидел мальчика — Он не увидел мальчика — Абы тхылъхэр къилъэгъуащ — Абы тхылъхэр къилъэгъуакъым — Абы щалэ цыкIу къилъэгъуащ — Абы щалэ цыкIу къилъэгъуакъым — He saw the books — He did not see the books — He saw a boy — He did not see a boy.

Основным средством выражения грамматического отрицания в русском языке является частица «не», употребляющаяся при любом знаменательном члене предложения. Особого рассмотрения требует частица «ни», которую полагают усиливательной, интенсифицирующей либо отрицательность, либо утвердительность предложения и по своему значению близкой к усиливательным частицам «и», «даже» (*Ни разу не был/a — Зэи щылакъым — Have/Has never been; Кто ни придет, всем будем рады — Хэт къымыкIуэми, псоми дацыгубIыкынуущ — Whoever comes, we will be glad to see everyone*). В данном случае в кабардино-черкесском языке коннотация усиливательной частицы «ни» передается посредством отрицательного префикса «мы-» и суффикса со значением уступительности «-ми» (*къэ-мы-кIуэ-ми*), в английском — формой глагола в настоящем времени (*comes — приходит*) с «*whoever*» (кто бы ни — от утвердительного вопросительного местоимения «*who*» (кто) и наречия «*ever*» (когда-либо): *Whoever comes — досл. Кто когда-либо приходит*). В конструкциях с относительными местоимениями и наречиями усиливательная частица «ни» образует утвердительные обороты: «кто бы ни пришел» (все, которые придут), «что бы ни сказали» (всё, что будет сказано)

но), «что ни день» (ежедневно). При этом в русском языке с усилительной частицей «ни» этимологически связаны отрицательные местоимения «ни-кто», «ни-чего», «ни-когда».

Распространенное в русском языке лексическое средство выражения отрицания — слово «нет» может усиливаться частицами «да», «уж», «ну», «никак» или повторением («нет-нет»):

Никак нет! Фразеологическое сочетание «нет-нет (да) и» передает значение обстоятельства времени (проецируется появление чего-либо (действия) после долгого отсутствия):

Он нет-нет да и забудет это однажды (Не забывал долгое время — возьмет да и забудет) — *Абы ар зэ мыхъуми зэ ѹыгъупицэжынущ — He will forget it every now and then* (в английской лингвокультуре эксплицируется значение «время от времени» — нестабильность одного состояния).

В русской лингвокультуре имеются выражения с одновременным наличием показателей утверждения и отрицания, а также сомнения и вопроса, транслирующие специфику русской национально-лингвальной системы: «да нет», «да нет, наверное», «почему бы и нет», представляющие коммуникативные трудности для представителей иных лингвокультур, изучающих русский язык.

Отрицательные наречия выражают полное или частичное отрицание события, которое почти не имеет места. Выделяются наречия полного отрицания: *никогда, ни разу, ни при каких обстоятельствах, ни в коем случае, нигде — never, not once, in no circumstances, at no time, nowhere — ззи, зыщиыпIи*; наречия частичного отрицания: *редко, изредка, нечасто, в редких случаях — seldom, rarely, infrequently, on rare occasions — ззэмэызз*. Приведенные примеры выявляют наличие в кабардино-черкесских версиях элемента «зы/зэ — один — оне»: *зыри* (ни один — никто/ничего, *no one, nobody, nothing, none*), *ззи* (ни одного раза — никогда, ни разу, *never*), *зыщиыпIи* (ни в одном месте — нигде, *nowhere*), транслируя значение утверждения о существовании при наличии по крайней мере одного раза, а при отсутствии — отрицания.

Эмфатичность отрицательным суждениям придают интенсифицирующие средства «совсем», «вообще», «at all», «whatever», «whatsoever», «ауэ/-ххэ»:

Ничего не имеет значения (Ничего вообще не имеет значения) — Nothing at all matters — Зыми ауэ зы мыхъэнэ иІэкъым (Зыми зы мыхъэнэ иІэххэкъым). При этом кабардино-черкесский язык демонстрирует как аналитические, так и синтетические средства выражения подобных значений.

В кабардино-черкесском языке финитные формы глаголов оформляются суффиксом «-къым» (*Сэ сцIакъым ар къэмыкIуэну — Я не знал/a, что он/a не придет — I didn't know, that he/she will not come*). Инфинитные формы глагола с префиксом отрицания могут составить предикативную основу предложения в устно-поэтическом творчестве, клятвенных конструкциях:

Сосрыкъуэ слъегъуакъым, ар здэициIэр сымыцIэ [Нарты, 1995] — *Со-
срукो я не видел, где он находится, не знаю*; *«Тхъэ, симыIэ»* (*Ей-богу
(克莱нусь), нет у меня*); *«Уэлыхы, симыIэ»* (*Клянусь, нет у меня*). Отри-
цательная форма клятвенных выражений может иметь положительную
семантику: *«Тхъэ (Алыхъ, Уэлыхъ), уэзмитмэ»* (*Тха (Аллах) (Конечно
(безусловно), отдаам*) [Кабардино-черкесский язык, 2006]. В подобных
клятвенных конструкциях кабардино-черкесская лингвокультура про-
водит гендерные различия: *«Тхъэ»* — для женщин, *«Уэлыхы»* — для
мужчин.

В кабардино-черкесском языке префикс отрицания употребляется
в глаголах в форме желательного, повелительного, условно-сослагательного наклонений, а также в отглагольных образованиях, клятвенных предложениях: *«Щхъэм имытмэ, лъакъум и мыггуагъэц»* (*посло-
вица — Если в голове пусто, это беда для ног*) [Адыгские пословицы
и поговорки, 2016].

Встречаются случаи десемантизации с префиксальным отрицанием: *Деплъници, ущIемыгъузжмэ* (*ущIегъузжыници*) (*Посмотрим, ты по-
жалеешь* (досл. *Посмотрим, если ты не пожалеешь*). Финитный гла-
гол *«ущIемыгъузжмэ»* включает отрицательный префикс *«мы-»*, однако
благодаря суффиксу *«-мэ»* воспринимается с положительным значени-
ем, то есть отрицательная конструкция преобразуется с помощью *«-мэ»*
в утвердительную.

Отрицательным союзом в английском языке является *«neither... nor»*,
который служит для соединения однородных членов предложения и ис-
пользуется, когда речь идет о каких-либо невозможных вещах. В кабар-
дино-черкесском языке ему корреспондирует повторяющийся соеди-
нительный союз-суффикс *«-ри... -ри...»*, который может использовать-
ся как в утвердительных, так и отрицательных конструкциях: *Neither
the teacher nor the students came — Ни учитель, ни ученики не пришли —*
ЕгъэджакIуэри еджакIуэхэри къэкIуакъым. При этом в кабардино-чер-
кесском языке повторяющийся союз-суффикс *«-ри... -ри...»* не экспли-
цирует ни утверждение, ни отрицание, а имеет соединительную функ-
цию, а значение отрицания в высказывание вносится отрицательным
суффиксом *«-къым»*.

Предлог «*without*» является средством отрицания в английском языке и имеет значение «без»: *I will go home without him* — Я пойду домой без него. В кабардино-черкесском языке данное предложение можно перевести как «Сэ ар симыгъусэу унэм сокIуэж / Сэ абы сримыгъусэу унэм сокIуэж», в котором «симыгъусэу / сримыгъусэу» имеет буквальное значение «он/а не вместе со мной / я не вместе с ним/ней», проецируя черты коллективистской культуры в кабардино-черкесском языке (легче сказать «один/одна/и» (*си/уи/и/ди/фи/я-закъэ*), чем «без него/нее/них», а эквивалент «без него/нее/них» содержит корневую морфему с коннотацией «вместе» (*гъусэ: си/уи/и/ди/фи/я-мы-гъусэ-у*). Специфика и лингвокультурные возможности кабардино-черкесского языка проявляются в передаче значения «без кого-/чего-либо» по сравнению с русским и английским языками:

Я иду домой без него/нее — I am going home without him/her — Сэ ар симыгъусэу (букв. он/а не со мной) унэм сокIуэж / *Сэ абы сримыгъусэу* (букв. я не с ним/ней) унэм сокIуэж — Он/а идет домой без меня — *He/she is going home without me — Ар сэ симыгъусэу* (букв. он/а не со мной) унэм мэкIуэж / *Ар сэ сримыгъусэу* (букв. я не с ним/ней) унэм мэкIуэж. При этом предикативная основа в отличие от русского и английского эквивалентов не меняется — значения как «я без него — *I am without him/her*» / «он без меня — *he/she is without me*», так и «я не с ним/ней — *I am not with him/her*» / «он/а не со мной — *he/she is not with me*» в кабардино-черкесском языке могут передаваться с одними и теми же субъектом и предикатом: *Сэ (ар симыгъусэу / абы сримыгъусэу)* унэм сокIуэж (Я (он/а без меня / я без него/нее) иду домой), *Ар (симыгъусэу / сримыгъусэу)* унэм мэкIуэж (Он (он/а не со мной / я не с ним/ней) идет домой).

Понятие «двойное отрицание» обозначает наличие двух отрицаний при одном и том же члене предложения, а также дважды выраженное отрицание в рамках одной субъектно-предикатной группы. В первом случае подразумевается отрицание и его усиление в отрицательной форме, во втором — отрицание отрицания [Бондаренко, 1983]. Результатом взаимной нейтрализации двух отрицаний в структурах с двойным отрицанием может стать ослабленное или подчеркнутое утверждение: *It is not an impossible task — Это не невыполнимая (выполнимая) задача — Ар пхуэмыщIэн Iуэхукъым*. В данном случае русский вариант содержит два идентичных показателя негации (*не-, не-*) в отличие от кабардино-черкесской и английской версий, в которых используются показатели «мы-», «-къым» и «*not*», «*it-*» соответственно:

Это дело (задача) — Это не дело (задача) — Это выполнимое дело (задача) — Это невыполнимое дело (задача) — Это не невыполнимое

дело (задача) — It is a task — It is not a task — It is a doable (possible to do) task — It is an impossible (not possible to do) task — It is not an impossible (not impossible to do) task — Ар Йуэхуц — Ар Йуэхукъым — Ар пхуэмшІэн Йухуц — Ар пхуэмшІэн Йуэхуц — Ар пхуэмшІэн Йуэхукъым.

В кабардино-черкесском языке два показателя отрицания (префикс «мы-» и суффикс «-къым») могут присутствовать в составе сказуемого или при обоих главных членах общеотрицательного предложения, создавая двойное отрицание. В результате происходит редукция отрицания и возникает категорическое утверждение с разными оттенками: *Ар хабзэмшІэкъым. — Он/a не незнающий обычай (в значении «знающий»). — He/she is not ignorant of customs (is knowledgeable).*

Двойное отрицание наблюдается при наличии префикса «мы-» и в сказуемом, и в подлежащем: *ШыцІэ къамылъхум уанэ траплъехъэркъым — Неродившегося жеребенка не седлают (досл. На не родившегося жеребенка седло не кладут) — An unborn foal should not be saddled (Неродившегося жеребенка не следует седлать.).* В конструкциях данного типа отрицание выражено дважды: общее отрицание с помощью отрицательного суффикса «-къым», частное отрицание с помощью отрицательного префикса «мы-» [Кабардино-черкесский язык, 2006].

Два отрицания могут присутствовать также и в составе сложного сказуемого — отрицательными по форме могут быть одновременно основное и вспомогательные сказуемые [Кабардино-черкесская грамматика, 2023]:

Ар къомыплъину лъэкІянкъым (Ар къоплъинуц) — Он не посмотреть на тебя не сможет (Он на тебя посмотрит) — He will not be able to not look at you (He will look at you).

Сложное сказуемое, выраженное сочетанием глагольных форм и финитного глагола, может дать утверждение: «зэхимыхауз щыткъым» (зэхихац) — досл. неуслышанным им/ей не является (услышал/a) — досл. *is not not heard by him/her (he/she heard);* «имылъегъуауз щыткъым» (иль-эгъуац) — досл. неувиденным им/ей не является (увидел/a) — досл. *is not not seen by him/her (he/she saw).*

В кабардино-черкесском языке в результате двойного отрицания «мы-» + «-къым» возможна редукция отрицания в пользу утверждения.

Двойное отрицание в кабардино-черкесском языке наблюдается в предложениях с отрицательным предикативом «хъунукъым» (нельзя, невозможно) и отрицанием в инфинитной части:

«жомыІэу хъунукъым» — «жыпІэн хуейц» (нельзя не сказать — надо, необходимо сказать), «демеплъу хъунукъым» — «деплъин хуейц» (нельзя не посмотреть — надо, необходимо посмотреть), «сымыкІуэу хъу-

нукъым» — «сыкIуэн хуейщ» (нельзя не идти — надо, необходимо идти); при сочетании «лъэкIын» (мочь) в отрицательной форме с отрицательным инфинитивом: «мыкIуэн лъэкIыркъым» («макIуэр») — не может не идти (идет) — досл. *He/She can not not go (there)*.

Разновидностями двойного отрицания в кабардино-черкесском языке (в отдельных случаях) являются:

сочетание отрицательного префикса «мы-» с суффиксом «-ниэ» (без-, бес-) с семантикой отсутствия чего-либо: «Ар мы-щIэныгъэ-ниэ» (Он не обобразованный — у него есть (имеется) образование; сочетание отрицательного суффикса «-къым» с суффиксом «-ниэ» (без-, бес-): «Ар йыхъэниэкъым» (Он не без доли);

наличие в предложении слова «щыIэкъым» (нет / не существует) и суффикса «-ниэ», «Насытышнэ щыIэщи, гугъеншэ щыIэкъым» (Не-счастливые бывают, а не имеющих надежду нет (букв. «безнадежных» — «надежда» относится к самому субъекту, а не наблюдателю со стороны, в отличие от русского «безнадежный»).

Использование двойного отрицания, в частности отрицания отрицания, в которых в русском языке употребляется отрицательный префикс «не-», в кабардино-черкесском и английском языках симплифицируется разграничением отрицательных аффиксов: *Ар йыхумыгъасэкъым — He/she is not unmannered* — Он/она не невоспитанный. Нечастое использование подобных выражений в русском языке обусловлено наличием в них усиительного повторяющегося показателя отрицания «не».

Несмотря на то что отрицание отрицания полагается равносильным утверждению, семантика предложений с двойным отрицанием и утвердительных суждений не эквивалентна: «Ар насытыниэкъым» (Он/а не несчастлив/а) и «Ар насытыфIэщ» (Он/а счастлив/а) [Кабардино-черкесская грамматика, 2023].

Нейтрализация двух отрицаний в кабардино-черкесском языке имеет место также и в том случае, когда отрицание выражено в разных предикатах — главном и зависимом, что приводит к двойному отрицанию:

Сэ сцIэркъым ар мыкIуэу (*Сэ сцIэркъым ар зэрмыкIуэр*) — Я не знаю, что он/а не идет (досл. Я не знаю его/ее не идущим) — *I do not know that he/she's not going* (досл. *I do not know him/her not going*) — *Сэ слъэгъуакъым ар мышхэу* (*Сэ ар зэрмышихэр слъэгъуакъым*) — Я не видел/а, что он/а не кушает (Я не видел/а его/ее не едящим) — *I did not see that he was not eating* (досл. *I have not seen him/her not eating*).

Двойное отрицание в предложении делает возможным употребление отрицательного герундия в позиции зависимого предиката [Кабардино-черкесский язык, 2006]. При этом кабардино-черкесский язык экс-

плицирует своеобразные способы образования утвердительных и отрицательных форм и соответствующих коннотаций в отличие от русского и английского языков:

Он идет — He is going — Ар макIуэр; Он не идет — He is not going — Ар кIуэркъым; Я знаю, что он идет — I know (that) he is going — 1) Сэ соцIэ ар зэрыкIуэр, 2) Сэ соцIэ ар кIуэуз; Я знаю, что он не идет — I know (that) he is not going — 1) Сэ соцIэ ар зэрымыкIуэр, 2) Сэ соцIэ ар мыкIуэу; Я не знаю, что он идет — I do not know (that) he is going — 1) Сэ сцIэркъым ар зэрыкIуэр, 2) Сэ сцIэркъым ар кIуэуз; Я не знаю, что он не идет — I do not know (that) he is not going — 1) Сэ сцIэркъым ар зэрымыкIуэр, 2) Сэ сцIэркъым ар мыкIуэу; Я знаю, идет он или нет — I know whether he is going or not — Сэ соцIэ ар кIуэрэ мыкIуэрэ; Я не знаю, идет он или нет — I do not know whether he is going or not — Сэ сцIэркъым ар кIуэрэ мыкIуэрэ.

Английский язык в связи с нехарактерностью для него конструкций двойного отрицания по сравнению с русским и кабардино-черкесским языками проецирует более утвердительный характер лингвокультуры. Интерес представляет большое разнообразие отрицательных аффиксов, посредством которых английский язык лингвистически имплицирует интенции отрицания. При этом коннотация выражений с двойным отрицанием, подобных *«I don't dislike you»* (Ты мне не не нравишься — Сэ уэ сигу уримыхху щыткъым), содержит отрицание отрицания, что несвойственно для русской коммуникативной культуры, стиль которой имеет прямой характер, в то время как стиль английской является косвенным. В русском языке перевести указанное выражение проблематично, поскольку для русской лингвокультуры нехарактерно выражение «Ты мне не не нравишься», в то время как в кабардино-черкесском и английском языках эксплицируется национально специфическая коннотация неопределенности, детерминированная необходимостью сдерживания публичного выражения сокровенных чувств благосклонности и привязанности (*I don't dislike you* — Сэ уэ сигу уримыхху щыткъым (Сэ — Я, уэ — ты, уримыхху щыткъым — не нравится не есть.). В языкоznании существует позиция о том, что ценности, имеющие важное значение для культуры, находят отражение в языке одним словом. Необходимость использования нескольких слов (дескриптивный способ) для выражения идеи, которая обозначена в другом языке лишь одной лексемой, свидетельствует о том, что эта идея принадлежит культуре, использующей для ее манифестации одно слово [Triandis, 1994, p. 6; Larina, 2020, p. 424]. Кроме того, вежливо ориентированном английском языке в данном случае создается отрицание, направленное на отрицание отрица-

тельного высказывания и формирующее таким образом нейтральное медианное значение глагола, заключенное между утверждением и отрицанием.

Компаративный анализ материала трех разноструктурных языков выявил особенности лингвокультурной предопределенности в формировании и интерпретации утверждения и отрицания. К примеру, фраза «*not bad*» в английской лингвокультуре может иметь коннотацию «*отлично*», детерминированную культурной склонностью англичан к сдержанности в выражении эмоций и личного мнения — стереотипное качество англичан, эксплицированное в популярном выражении «*Stop being so English and say what you think*» (*Перестань быть таким англичанином и скажи, что ты думаешь — поделись своим мнением*).

В оппозиционных сочетаниях, образуемых в русском и английском языках добавлением отрицательных префиксов и суффиксов, в кабардино-черкесском языке коррелятами выступают отрицательный префикс «*мы-*», отрицательный суффикс «*-нишэ*» и лексические средства: *порядок* — *бес-порядок*, *order* — *dis-order*, *хабзэ*, *зэкІэлъыкIуэкIэ* — *хабзэ-нишагъэ*, *зэкІэлъы-мы-кIуагъэ*; *одевать* — *раз-девать*, *dress* — *undress*, *хүэпэн* — *тIэшIын*; *равный* — *не-равный*, *equal* — *in-equal*, *зэхуэдэ* — *зэхуэ-мы-дэ*; *страх* — *бессстрашный*, *fear* — *fear-less*, *шиныэ* — *мы-шиныэ*.

Лексическим средствам имплицитного выражения отрицания в английском языке относят слова с отрицательной семантикой: *to fail* (*терпеть неудачу* — *емыхбулэн*), *overlook* (*упустить из виду*, *проглядеть*, *не-досмотреть* — *мыльагъун*, *гульымытэн*), *to lack* (*недоставать*, *не хватать* — *хүэчэмын*, *хуримыкъун*) и др. При этом в английском и русском языках значение отрицания «*упустить из виду*» передается лексемами «*overlook*» и «*недоглядеть*», заключающими в себе коннотацию зрения, однако в английском языке объективируется негативное отношение к избыточности, а в русском — недостаточности, проецируемые аффиксальным способом: *недо-* (к примеру, «*недостаток*») и *over-* (*пере-* — *слишком*, *чрезмерно*): *This important question must not be overlooked.* — *Этот важный вопрос нельзя упускать из виду.* В данном случае также актуализируется дуализм оппозиционных понятий.

Также имплицитное отрицание содержится в глаголах, имеющих оттенок значения, схожий с соответствующим глаголом «*отрицать*»: *отвергать*, *отказываться*, *отрекаться*, *противиться* — *to negate*, *to deny*, *to refuse*, *to oppose* — [Jespersen, 2012] — *мыдэн*, *арэзы темыхбуэн*, *Гумпэм щын* (*Гуы, пэ — то есть и словом, и лицом (мимика, жесты)* *дать понять, что не нравится, отвергнуть; брезгать, игнорировать, пренебрегать*) [Апажев, Коков, 2008].

К отрицательным местоимениям в английском языке относятся: отрицательное местоимение «*no*» (никакой) с существительными в функции определения — *They could find no traces of it* — Никаких следов этого они не нашли — Абы и лъэужь лъэнкъ абыхэм къахуэгъэтакъым; отрицательное местоимение «*none*» (никто, ничто) — *None of us could believe it* — Никто из нас не мог в это поверить — Дэ тищыцу зыми ар и фІэц хъуртэкъым; *None of it made any sense* — Все это не имело никакого смысла (досл. Ничего из этого имело какого-либо значения) — Абыхэм зыми мыхъэн лъэнкъ яІэтэкъым (в русском и английском языках отрицательные местоимения «*none*» и «ничего» заключают в себе коннотацию неодушевленности, в то время как в кабардино-черкесском языке эквивалентное «*зыри/ми/мкIи*» может быть использовано для передачи значений как одушевленности, так и неодушевленности); местоимения «*nobody*» и «*no one*» (никто) — *Nobody cares* — Всем все равно / Никого ничего не волнует — Зыми зыри фІэуэхукъым / Зыри (зими) елалІэркъым; *No one said anything* — Никто ничего не сказал — Зыми зыри жиіакъым; отрицательное местоимение «*nothing*» (ничего) — *Nothing mattered at that time* — В то время ничего не имело значения — Абы ѿыгъуз зими мыхъэн яІэтэкъым; местоимение «*neither*» (ни один — *Neither of them was present* — Ни один из них не присутствовал — Абыхэм яищыцу зыри ѿылакъым/ицятакъым).

В отдельных случаях различие между отрицанием и утверждениемнейтрализуется, что также способствует интенсификации высказывания [Мусаева, 2012]: выражение «*I couldn't care less*» имеет значение «Меня это вообще не волнует». При этом данное выражение по смыслу выступает синонимом «*I don't care*» (Мне все равно), однако язык проецирует лингвокультурную интенцию «*I care, but at a very low level*» (Меня это волнует, но на очень низком уровне (ниже не бывает) — действие не отрицается, редуцируется его значение). Подобные конструкции (*Couldn't agree/disagree more* — Completely/fully agree/disagree) также транслируют двойственность понятий утверждения и отрицания.

Английская лингвокультура в предложении «*She showed no sympathy*» (Она не проявила никакого сочувствия — досл. Она проявила никакое сочувствие) отрицает чувство, а действие — нет. При этом, несмотря на свою имплицированную лингвистическими средствами прямолинейность, в приоритете вежливость по отношению к окружающим. В отрицательных предложениях, подобных «*He did not do that because he wasn't aware of what he was doing*» (Он сделал это не потому, что не осознавал, что он делает — Абы ар ѿищар ицІэр къыгурмышэу аракъым), проецируется специфика национального мышления: в английском язы-

ке в данном случае отрицается действие, в русском и кабардино-черкесском языках — причина.

В сравниваемых языках для усиления выражения негации и повышения степени эмоционального состояния используются риторические вопросы, восклицательные предложения: *Are you joking?* — Ты/Вы шутишь/те? — У (фы) гуши!Эу ара? *Nonsense!* — Глупость! — Пи!Ыищ! *Ridiculous!* — Смешно! (*Нелепо!*) — Дыхъэшхэнц! Емык!Уищ!

Имплицитное отрицание может быть выражено эмоционально окрашенными словами. При этом выражается не только отрицание предмета дискуссии, но и его условное утверждение (*No! Are you insane?!* — *Hem!* Ты с ума сошел?! Хъэуэ! Уи ўцхъэр зэк!Уэзк!а?!) (в значении, «*Hem!* Ты, вероятно, сошел/сошла с ума!» — первая часть (*Hem*) — отрицание, вторая («Ты сошел/сошла с ума») — утверждение в значении «...иначе не утверждал/а бы подобное»). Данные вопросительные по структуре предложения подчеркивают негодование со стороны говорящего и указывают на негативное отношение к информации и ее неодобрение.

В русском и кабардино-черкесском языках отрицание может выражаться устойчивыми сочетаниями утвердительных форм в будущем времени «*Скажешь еще!*», «*Жып!Энц иджы!*», «*Надейся!*», «*Щыгугъ!*», «*Ну, да!*», «*Лейуэ!*», «*Ну да, сразу!* (будет, произойдет, случится и т. д.)», «*Нт!Э, занщ!у!*» (щы!Энцуц, хъунуц, къэхъунуц). В английском и русском языках устойчивые выражения отрицательных форм могут дать утвердительную коннотацию солидарности/согласия: *You don't say!* — *И не говорите!* При этом английская форма *«You don't say!»* может также иметь коннотации как удивления, интереса, так и саркастического ответа на что-либо очевидное или само собой разумеющееся.

Отрицательные конструкции, обладающие большей категоричностью и резкостью в проявлении оценки ситуации, могут быть заменены некатегоричными, сдержанными формами, направленными на стремление избежать крайностей и сохранение невозмутимости в ситуации: *It's not true* — *Это неправда* — *Ар пэжкъым* (*Это ложь* — *It's a lie* — *Ар пц!Ыищ*).

Кабардино-черкесских и русских отрицательных аффиксов значительно меньше, чем английских. Английские «*in-*», «*in-*», «*dis-*», «*de-*», «*mis-*», «*anti-*», «*non-*», «*-less*» и другие корреспондируют русским «*не-*», «*ни-*», «без- (бес-)» и кабардино-черкесским «*мы-*», «*-ниэ*», «*-къым*». Специфика мышления носителей английского языка проявляется в особенностях использования отрицательных аффиксальных морфем (*un-*: *ungrateful* — неблагодарный, *unimportant* — неважный, *unsafe* — опасный, *to uncover* — открывать; *in-* (*il-* перед *l*; *im-* перед *b, p, m*; *ir-* пе-

ред *r*): *illiterate* — неграмотный, *improper* — ненадлежащий, *irrational* — иррациональный, *invisible* — невидимый; *dis*: *to displease* — вызывать недовольство, *to disband* — разъединять; *de*: *defraud* — обманывать, выманивать; *mis*: *mistrust* — недоверие; *anti*: *anti-nuclear* — противоядерный; *non*: *non-aggressive* — неагрессивный; — *less*: *countless* — бесчисленный.

Наличие многочисленных словообразовательных аффиксов с коннотацией отрицания, а также ограничения их сочетаемости с корневыми морфемами в английском языке проецируют особенности английского ментально-лингвального аппарата, связанные, с одной стороны, с осторожным применением прямых, резких отрицательных конструкций в рамках концепции вежливости и интенции невмешательства, с другой стороны — компенсацию многочисленными отрицательными аффиксами отсутствия двойного отрицания в рамках одной отрицательной конструкции.

Увердительный характер английской лингвокультуры дополняется использованием конструкций с глаголом «*do*» для усиления коннотации утверждения: *I believe it* — *I do believe it* — Я верю в это — Верю я в это — Сэ ар си фIэш мэхъур — Мэхъур сэ ар си фIэш.

В отличие от английской лингвокультуры, для русской и кабардино-черкесской характерно сочетание нескольких средств отрицания для построения одной отрицательной конструкции: *Никто его никогда не видел* — Зыми ар зэи илъэгъуакъым — *Nobody ever saw him* (досл.: Никто когда-либо видел его).

В русском и кабардино-черкесском языках в отличие от английского языка отрицательный характер сказуемого проявляет независимость от наличия отрицательных лексических средств, а также порядка слов в предложении: *Он никогда не сделает этого / Он не сделает этого никогда / Он этого не сделает никогда* — Абы ар зэи ищЭнукъым / Абы зэи ар ищЭнукъым / Абы ар ищЭнукъым зэи — *He will never do that*.

Отрицательное высказывание может усиливаться добавлением наречий «совсем», «совершенно», «вообще» (в английском языке «*at all*»): *He could not see anything at all*. — Он вообще ничего не видел. В кабардино-черкесском языке подобная коннотация усиленного отрицания передается при помощи суффикса *-ххэ-*: Абы зыри илъагъуххэртэкъым.

Формы глаголов «хотеть», «want», «need», «require», «хуеин» наряду с коннотацией желания могут выражать недостаточность и отсутствие чего-либо: *Дом нуждается в ремонте* — *The house needs renovation* — Унэр зехъэн хуеийц. Даные предложения представляют собой утвердительную синтаксическую конструкцию, однако имплицируют отрицание наличия определенных характеристик, передаваемое глаголами «недоставать»,

«не хватать», «*lack*», «*miss*», «чэмын/хуэчэмын», «иrimыкъун/хури-мыкъун»: В книге не хватает двух страниц — *The book lacks two pages — Тхылым напэкIуэцIитI чэмщ/хуэчэмщ (ирикъуркъым/хурикъуркъым)*.

В английском и русском языках используются «наречия широкого отрицания» (*scarcely, rarely, seldom, barely, едва, еле, чуть, редко: scarcely able — едва ли способный, barely known — едва известный — почти неизвестный*). Кабардино-черкесский эквивалент подобных выражений содержит показатели отрицания (префикс «мы-») и преувеличения (суффикс «щэ-»): зыхузэфIэмыкIыщэн (тот, кто не совсем способен (тот, кто вряд ли сможет), ямыцIыхущэ — едва известный, не совсем известный).

Лингвистические и логические аспекты утверждения и отрицания, их соотношение, средства выражения, роль в грамматической структуре эксплицируют этноспецифические моменты в культуре носителей кабардино-черкесского, русского и английского языков.

Заключение

Глобализация, охватившая различные сферы человеческой деятельности, расширение контактов между представителями разных культур, работа с информацией, ставшей одной из производительных сил в условиях постиндустриального общества и мультикультурализма, создали необходимость осознания значения поддержания непрерывного внутри- и межкультурного диалога, направленного на достижение взаимопонимания и межкультурную интеграцию. Возрастающий интерес к изучению процесса языковой деятельности во взаимосвязи с мышлением и культурой сопряжен с осознанием роли языка в развитии общества и осмыслением его влияния на узловые вопросы ряда гуманитарных наук.

Утверждение и отрицание как важнейшие признаки суждения выполняют важную роль в обеспечении эффективного межкультурного взаимодействия. Сопоставительный анализ способов выражения утверждения и отрицания в разноструктурных кабардино-черкесском, русском и английском языках предоставляет возможность наглядно определить специфику их презентации в каждом из сопоставляемых языков.

Проанализированный языковой материал выявил лингвокультурные особенности связи утверждения и отрицания с категориями одушевленности и неодушевленности, вежливости и другие особенности неблизкородственных кабардино-черкесского, русского и английского языков.

Утверждение и отрицание в кабардино-черкесском языке актуализируются преимущественно аффиксальным способом, а не посредством

частиц, проецируя этноспецифизм и особенности национального мышления носителей языка. В кабардино-черкесском языке отрицание может быть эксплицировано одновременным оформлением сказуемого несколькими показателями отрицания.

Специфика русского национально-лингвального аппарата проецируется в одновременном наличии в русском языке в рамках одного выражения показателей утверждения, отрицания и сомнения, а также дифференциации отрицательных конструкций в винительном и родительном падежах в зависимости от категории одушевленности и неодушевленности.

Английский язык при отсутствии двойного отрицания культурно-специфические интенции негации объективирует посредством многочисленных отрицательных аффиксов, использование которых также отличается лингвокультурными ограничениями. В отличие от английского языка, для которого несвойственно двойное отрицание, в кабардино-черкесском и русском языках отрицательные местоимения и наречия сочетаются с языковыми единицами, наделенными отрицательными аффиксами, создавая двойное отрицание.

Проведение сопоставительных лингвокультурных исследований на материале разноструктурных языков способствует изучению связи между культурой и языком, определению этноспецифических особенностей лингвистической объективации внешнего мира, что содействует как привлечению внимания к вопросу сохранения этнокультурной и языковой идентичности в условиях мультикультурализма, так и успешной коммуникации на межкультурном уровне.

Библиографический список

Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л. А. Гутова. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.

Апажев М. Л., Коков Дж. Н. Кабардино-черкесско-русский словарь / под научной ред. Б. Ч. Бижоева. Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.

Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.

Булах Н. А. К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института, 1957. Вып. 30. С. 37–85.

Васильева С. А. К вопросу о природе отрицания // Сборник работ Ленинградского технологического института пищевой промышленности / отв. ред. С. З. Иванов. Л., 1958. С. 137–157.

Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафоновой. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.

Игнатьева Т. С. О структурно-семантических особенностях вопросительных предложений с отрицанием в английском и чувашском языках // Филология: научные исследования. 2020. № 7. С. 51–59. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.7.31542>.

Кабардино-черкесская грамматика / науч. ред. Б. Ч. Бижоев. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. 624 с. (На кабардино-черкесском языке).

Кабардино-черкесский язык / под ред. М. Л. Апажева, Б. Ч. Бижоева, Н. Н. Зекореева, Х. Т. Таова. В 2 т. Т. I. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 550 с.

Ларина Т. В. Лингвокультурная коммуникативная интерференция // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц. Тарту, 2006. С. 184–196.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Макарова Г. Н. Отрицание *not* в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. Калинин, 1978. 16 с.

Нарты. Кабардинский эпос / под ред. М. М. Бженикова. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 559 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: Астрель: Хранитель, 2007. 287 с.

Файрузова А. Р. Сопоставительный структурно-семантический анализ средств выражения отрицания в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 24 с.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд. М.: Республика, 2001. 719 с.

Categories by Aristotle / translated by E. M. Edghill. https://homepages.uc.edu/~martinj/History_of_Logic/Aristotle/Aristotle%20-%20Categories%20-%20Edghill%20trans.pdf

Humboldt W. F. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. <https://books.google.ru/books?id=BKpWAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q=&f=false>

Jespersen O. Negation in English and Other Languages. Media: Franklin Classics, 2018. 160 p.

Johnson-Laird P.N., Tridgell J.M. When negation is easier than affirmation // Quarterly Journal of Experimental Psychology, 1972, iss. 24, no. 1, p. 87–91.

Just M.A., Carpenter P.A. Comprehension of negation with quantification // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1971, iss. 10 no. 3, p. 244–253.

Khemlani S., Orenes I., Johnson-Laird P.N. Negation: A theory of its meaning, representation, and use // Journal of Cognitive Psychology, 2012, iss. 24, no. 5, p. 541–559. DOI: 10.1080/20445911.2012.660913

Larina T.V. «Sense of privacy» and «sense of elbow»: English vs Russian values and communicative styles // Bromhead H., Zhengdao Y. (eds). Meaning, Life and Culture: In conversation with Anna Wierzbicka. Canberra: Australian National University Press, 2020, 515 p., p. 421–440. <https://doi.org/10.22459/MLC.2020.22>

Sapir, E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality. Berkeley: University of California Press, 1958, 617 p.

Spychalska M., Haase V., Kontinen J., Werning M. Processing of affirmation and negation in contexts with unique and multiple alternatives: Evidence from event-related potentials // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society, 2019, iss. 41, p. 2845–2851. <https://escholarship.org/uc/item/2q45j0hv>

Triandis H. Culture and Social Behavior. Boston: McGraw-Hill Inc., 1994, 320 p.

Turri J. A Peculiar and Perpetual Tendency: An Asymmetry in Knowledge Attributions for Affirmations and Negations. Erkenn, 2022, iss. 87, p. 1795–1808. <https://doi.org/10.1007/s10670-020-00274-9>

Whorf, B. L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1956. 278 p.

References

Adyge proverbs and sayings (with their interpretations). Anthological collection of Adyge folklore. Compiled by L.A. Gutova. Nal'chik, 2016. 364 p. (In Russian).

Apazhev M. L., Kokov Dzh. N. Kabardino-Circassian-Russian dictionary. Bizhoev B. Ch. (scientific ed.). Nal'chik, 2008. 704 p. (In Russian).

Narts. Kabardian Epics. Bzhenikov M. M. (ed.). Nal'chik, 1995. 559 p. (In Russian).

Bondarenko V. N. Negation as a logical-grammatical category. Moscow, 1983. 212 p. (In Russian).

Bulakh N.A. On the question of expressing the grammatical category of negation in Indo-European languages. *Uchenye zapiski Yaroslavskogo gosudarstvennogo*

pedagogicheskogo instituta = Scientific notes of the Yaroslavl State Pedagogical Institute, 1957, iss. 30, p. 37–85. (In Russian).

Categories by Aristotle. Translated by E. M. Edghill. https://homepages.uc.edu/~martinj/History_of_Logic/Aristotle/Aristotle%20-%20Categories%20-%20Edghill%20trans.pdf

Fayruzova A. R. Comparative structural and semantic analysis of means of expressing negation in English and Russian languages. Abstract of Philol. Cand. Diss., Ufa, 2015, 24 p. (In Russian).

Philosophical Dictionary. Frolov I. T. (ed.), iss. 7, Moscow, 2001, 719 p. (In Russian).

Humboldt W. F. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, Berlin, 1836. <https://books.google.ru/books?id=BKpWAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Ignat'eva T. S. On the structural and semantic features of interrogative sentences with negation in English and Chuvash languages. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* = Philology: scientific research, 2020, no. 7, p. 51–59. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.7.31542>. (In Russian).

Jespersen O. *Negation in English and Other Languages*, Media, 2018, 160 p.

Jespersen O. *Philosophy of grammar*. London, 1924 (Russ. ed: Passek V. V., Safronova S. P. *Filosofiya grammatiki*, Moscow, 1958), 404 p. (In Russian).

Johnson-Laird P. N., Tridgell J. M. When negation is easier than affirmation. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 1972, iss. 24, no. 1, p. 87–91.

Just M. A., Carpenter P. A. Comprehension of negation with quantification. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1971, iss. 10, no. 3, p. 244–253.

Kabardino-Circassian Grammar. Bizhoev B. Ch. (scientific ed.), Nalchik, 2023, 624 p. (In Kabardino-Circassian).

Kabardino-Circassian language. Author of the project and editor-in-chief Kumakhov M. A. Apazhev M. L., Bizhoev B. Ch., Zekoreev N. N., Taov Kh. T. (eds), in 2 vols., vol. I. Nal'chik, 2006, 550 p. (In Russian).

Khemlani S., Orenes I., Johnson-Laird P. N. Negation: A theory of its meaning, representation, and use. *Journal of Cognitive Psychology*, 2012, iss. 24, no. 5, p. 541–559. [10.1080/20445911.2012.660913](https://doi.org/10.1080/20445911.2012.660913)

Larina T. V. “Sense of privacy” and “sense of elbow”: English vs Russian values and communicative styles. H. Bromhead, Y. Zhengdao (eds). *Meaning, Life and Culture: In conversation with Anna Wierzbicka*, Canberra, 2020, 515 p., p. 421–440. <https://doi.org/10.22459/MLC.2020.22>

Larina T. V. Politeness category and communication style: Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions. *Rukopisnye pamyatniki*

Drevney Rusi = Manuscript monuments of Ancient Rus», Moscow, 2009, 512 p.
(In Russian).

Larina T. V. Linguocultural communicative interference. *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Lingvistika IX. Vzaimodeystvie yazykov i yazykovykh edinits = Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic Philology. Linguistics IX. Interaction of Languages and Language Units*, Tartu, 2006, p. 184–196. (In Russian).

Makarova G. N. The negation of not in modern English. Abstract of Philol. Cand. Diss, Kalinin, 1978, 16 p. (In Russian).

Peshkovskiy A. M. Russian syntax in scientific coverage, Moscow, 2001, 544 p.
(In Russian).

Sapir E. *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*, Berkeley, 1958, 617 p.

Spychalska M., Haase V., Kontinen J., Werning M. Processing of affirmation and negation in contexts with unique and multiple alternatives: Evidence from event-related potentials. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, 2019, iss. 41, p. 2845–2851. <https://escholarship.org/uc/item/2q45j0hv>

Ter-Minasova S. G. War and Peace of Languages and Cultures: Theory and Practice of Interlingual and Intercultural Communication, Moscow, 2007, 287 p.
(In Russian).

Triandis H. *Culture and Social Behavior*, Boston, 1994, 320 p.

Turri J. A Peculiar and Perpetual Tendency: An Asymmetry in Knowledge Attributions for Affirmations and Negations. *Erkenn*, 2022, iss. 87, p. 1795–1808.
<https://doi.org/10.1007/s10670-020-00274-9>

Vasil'eva S. A. On the nature of negation. *Collection of works of the Leningrad Technological Institute of the Food Industry*. Ivanov S. Z. (ed.), Leningrad, 1958, p. 137–157. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=275454> (In Russian).

Whorf B. L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, 1956, 278 p.